

Хроника

**«Архитектура индустриальной
и постиндустриальной эпох:
XIX–XXI. Стержневые процессы»
Международная научная
конференция**

Государственный институт
искусствознания, Москва,
12–14 сентября 2018 года

Татьяна Гнедовская, Елена Маркус

Как явствует из названия конференции, участникам предлагалось взглянуть на означенные два с половиной столетия как на единый период в истории мировой архитектуры, а также попытаться вычленить его сущностные признаки и характеристики. Организаторами руководило стремление к более широкому и непредвзятому взгляду на эпоху, предполагающему возможный пересмотр устоявшихся датировок, привычных представлений об эволюции стилей и географии их распространения. Чтобы преодоление инерции и стереотипов стало возможным, в подготовке конференции участвовали не только сотрудники ГИИ Т. Гнедовская и А. Пронина, но также представители Института модернизма А. Брновицкая и О. Казакова, сотрудник НИИТИАГа и РГГУ И. Печенкин и преподаватель Европейского университета в Санкт-Петербурге В. Басс. Совместными усилиями была выработана программа конференции и осуществлен отбор ее участников, представлявших разные страны, поколения, школы и институции. В основу программы был положен не столько хронологический, сколько проблемный принцип группировки отдельных сессий, что позволяло выявить общие тенденции в, казалось бы, край-

не разнородном и удаленном во времени и пространстве материале. А поскольку подобный подход с неизбежностью должен был вызвать много вопросов, соображений и споров, возникающих по ходу конференции, в ее программу изначально было заложено заметное время для дискуссий и обсуждения итогов, как каждой из сессий, так и трехдневного мероприятия в целом.

Отказ от привычного разделения на архитектуру «долгого XIX века» и новую архитектуру авангарда вследствие скачка модернизации в начале XX столетия, от разграничения на время триумфа и критики рационализма в 1920–1930-е или в 1960–1970-е годы, от стилистического деления архитектуры по отношению к железному занавесу определил специфику конференции. Безусловно, одним из наиболее интересных моментов стал и факт рассмотрения архитектурной истории России и Советского Союза относительно западно-европейских позиций.

Парадоксальная истина: лишь посредством сочетания, казалось бы, несочетаемых друг с другом тем и понятий становятся возможными как переосмысление устаревших, так и возникновение новых концепций и связей. Столкновение таких понятий, как «универсальная архитектура» и «региональная архитектура», «модернизм» и «традиционализм», «архитектура как результат творческой воли и как палимпсест», имеет одним из следствий и отказ от привычных представлений о хронологии: начало современного периода архитектурной истории неожиданно смещается на первую половину XIX века, независимо от стилистических предпочтений строивших тогда архитекторов.

Так, в своем программном докладе «Изобретение авангарда в XIX веке: теории прогресса в архитектуре 1828 года» Барри Бергдолл (Колумбийский университет, Нью-Йорк) первым поставил под сомнение общепринятую временную классификацию. На его взгляд, отправной точкой авангардных движений в архитектуре следует считать не год основания Баухауза, а скорее, время начала популяризации термина «авангард» почти на сто лет раньше. В 1828 году Лабруст завершил свое скандально известное реставрационное изыскание о Пестуме, в котором он призвал архитекторов к адаптации исторической материи в духе своего времени и в соответствии с новейшими социальными условиями. 1828 год известен также тем, что именно в этом году немецкий архитектор Генрих Хюбш публикует свое

знаменитое эссе «В каком стиле мы должны строить?». Эпоха романтизма в Германии и Франции ввела в оборот понятие прошлого, как смены определенных исторических периодов, и с этого момента исторические и авангардные проявления шли рука об руку, а их постоянное противопоставление стало важной и неотъемлемой частью духа новой эпохи. Когда двадцать лет спустя после публикации своего труда Лабруст проектировал библиотеку Св. Женеьевы (ил. 1), он рассматривал ее именно как историческое пространство, соответствующее современной эпохе. Кстати, подобное понимание архитектуры, как неделимой совокупности прошлого и настоящего, оказывается гораздо более прогрессивным, чем, например, идея Интернационального стиля, отрицающего любые исторические корни. Швейцарский теоретик архитектуры Вернер Окслин утверждал, что «внутреннее противоречие между историчностью и вневременностью, до сих пор определяющее [архитектурную] дискуссию, является неотъемлемой частью эпохи “модернизма”».

Если доклад Барри Бергдолла подвергал сомнению устоявшиеся представления о хронологии, то следующий за ним доклад Анны Брновицкой (Институт модернизма, Москва) «Движение искусств и ремесел как один из истоков советской архитектуры» демонстрировал условность географических и культурных границ. Анна Брновицкая сосредоточилась в докладе на выявлении связей между английским движением искусств и ремесел и советской архитектурой первой половины XX столетия, рассматривая работы художников и архитекторов Сергея Малютина и Алексея Филиппова. В частности, Брновицкая соотнесла вдохновленные Уильямом Моррисом элементы русского модерна в керамиках Филиппова на рубеже веков и в 1910-е годы с его работами в керамических мастерских после 1917 года, а также преподавательской деятельностью на архитектурном отделении во Вхутемасе-Вхутеине. По утверждению Брновицкой, органические мотивы, отсылающие к орнаментам Морриса, можно найти в отделке фасада небоскреба на Котельнической набережной 1948 года или в керамическом «бесшовном» покрытии станции метро «Комсомольская».

Привычное противопоставление «современного» и «консервативного» искусства, «капиталистического» и «социалистического», «национального» и «глобального», или же «западного» и «восточного» всегда чревато неизбежным упрощением реальности и утратой

1. Анри Лабруст
Библиотека Св. Женеьевы, Париж
1838–1850

важных звеньев в цепи исторического развития. Доклад Евгения Кононенко (ГИИ, Москва) «Позднеосманская культовая архитектура: между традицией и “вестоксикацией”» наглядно демонстрировал сходство процессов и тенденций, имевших место в архитектуре, как Запада, так и Востока уже во второй половине XIX столетия. Приметы нового технического времени постепенно вытесняли и нивелировали различия между странами, культурами, традициями, закладывая основы современной глобализации. В свою очередь, доклад Ильи Печенкина (РГГУ и НИИТИАГ, Москва) «“Ренессанс” в эпоху модернизма: случай Жолтовского, 1900–1930-е» подтверждал тезис Барри Бергдолла о взаимодействии традиционалистских и модернистских течений и тенденций, как базовой характеристике новой технической эпохи. Только если Бергдолл рассказывал о возникновении

понятия и термина «авангард» уже в эпоху ранней эклектики, то Печенкин, напротив, указывал на вполне органичное присутствие ренессансных реминисценций в эпоху «победившего авангарда».

В докладах Ивана Невзгодина (Делфтский технологический университет) «Трансистолический подход к изучению архитектурно-градостроительного наследия Сибири» и Юлии Старостенко (НИИТИАГ, Москва) «Труды российских специалистов по благоустройству городов 1900–1910-х годов в контексте мирового градостроительства того времени», включенных в раздел конференции «Модернизация и город», авторы анализировали теорию и практику отечественного градостроительства начала XX века в общемировом контексте. В частности, Невзгодин привел примеры активнейшего использования в архитектурно-строительной практике предреволюционных лет технических и инженерных новшеств мирового уровня, утверждая, что революция с ее культом обновления и технического прогресса, напротив, решительно затормозила этот самый прогресс, отбросив страну и ее отдельные регионы далеко назад.

В разделе «Музей, монумент, символ» речь шла, в частности, о проблеме планирования в модернистскую эпоху монументальных зданий и монументов как таковых, а также об эволюции представлений в этой сфере. Сюжетом доклада Алексея Петухова (ГМИИ им. Пушкина и ГИИ, Москва) «Поиски формы музея нового искусства в 1900–1930-е годы» стал поиск европейскими архитекторами и коллекционерами стратегий функционирования, а также внешнего облика и структуры нового художественного музея. Новая эра — это время не только нового искусства, но и нового видения, обуславливающего необходимость новых форм. Однако из доклада Вадима Басса (Европейский университет, Санкт-Петербург) «Модернистский монумент для классического города: проекты мемориала Героическим защитникам Ленинграда 1960-х годов глазами архитекторов и зрителей», посвященного «народному» конкурсу на проект мемориала, явствовало, что и в 1960–1970-е годы участвовавшие в обсуждении проектов «широкие массы» обнаруживали тотальное неприятие абстрактного языка монументального модернизма, особенно на фоне самооценки Ленинграда как города классических традиций. Аналогичная критика, кстати, раздавалась и по отношению к «неприступным» бруталистским зданиям в Западной Европе и США, что подспудно подготавливало наступление эпохи постмодернизма.

В разделе «Дух времени против гения места» были собраны доклады, посвященные по преимуществу межвоенному периоду, характеризовавшемуся стремительным распространением и утверждением модернистской архитектуры и интенсификацией художественных контактов между странами. Так, Федерика Патти (независимый исследователь, Турин) в докладе «Итальянские годы Бориса Иофана: учеба, работа, профессиональные связи» рассказала об итальянском периоде жизни и творчества архитектора. А доклад Марка Мееровича (Иркутский национальный исследовательский технологический университет) «Большевики против “духа места”: история градостроительного нормирования в СССР (1917–1929)» был посвящен до сих пор не изжитой травме, ставшей следствием насильственного внедрения градостроительного нормирования в советскую архитектуру 1920-х годов. Доклад на конференции стал последним публичным выступлением Мееровича: иркутский архитектор и теоретик архитектуры скончался вскоре после конференции вследствие тяжелой болезни. Это трагическое обстоятельство объясняет настойчивость, с которой во время дискуссий Марк Григорьевич снова и снова обращался к коллегам, призывая отвлечься от «сухих теорий», абстракций и интеллектуальных спекуляций в пользу предметной и кропотливой работы с уцелевшими документами советской эпохи.

В этом смысле доклад Натальи Солоповой (независимый исследователь, Париж) «Индустриальное домостроение во Франции и в СССР: политика, технология и архитектурный проект. Сходства и различия», в котором анализировались послевоенные проекты типового жилья, в полной мере отвечал чаяниям Мееровича. Согласно наблюдениям Солоповой, политика и технологии играли одинаково важную роль в развитии индустриального домостроения, причем не только в СССР, но и во Франции. В послевоенное время в обеих странах активно развивались государственные структуры, поддерживающие панельное жилищное строительство. Уже в 1948 году конструктивную схему панельного строительства запатентовала французская компания Samus, заводы которой спустя десять купил Советский Союз.

В свою очередь Сергей Ситар (МАРШ, Москва) в своем докладе «Сцена-схема-схима: серийное строительство и дизайн в свете проблемы универсалий» рассматривал серийное строительство с точки зрения «истории познавательных отношений человека

с действительностью». Серийность Ситар понимает как глобальный исторический феномен, а начало дискредитации исторического сознания, столь характерное для пионеров модернизма, он обнаруживает уже в средневековом диспуте реалистов с номиналистами: критика излишней схематичности модернистских построек восходит к противостоянию универсалий и конкретных вещей. Сергей Никитин (Веронский университет) в своем докладе «Монументализация повседневности в СССР. 1930–1950-е годы» также не скомывал себя узкими временными рамками, сопоставляя нарочито монументальные советские постройки с аналогами из разных эпох и стран, от многоэтажных построек Шимаба до вокзалов и рынков викторианской эпохи.

Несколько очень интересных докладов прозвучало в разделе, посвященном региональной и национальной архитектуре. В частности, Борис Чухович (Монреальский университет) в докладе «Региональные модернизмы»: от эволюции концептов до истории социальной риторики» рассмотрел историю бытования терминов «национальное» и «региональное» в отечественной и западной традиции и указал на существенное различие в их понимании. Вообще, одной из важных сквозных тем конференции стали отличия в восприятии и способах анализа одного и того же материала представителями разных стран, политических лагерей и научных школ. В этом смысле конференция предоставляла участникам и слушателям редкую возможность «выслушать другую сторону» и хотя бы попытаться договориться о базовых подходах и терминах. В частности, Чухович рассказал о том, что в колониях западных государств «региональным» считался тот подход к проектированию, который не удавалось вытеснить исходящим из центра директивным «национальным» стилем, в то время как в Восточной Европе все происходило совершенно иначе. Как явствовало из доклада Ирины Ивановой (МАРХИ, Москва) «Проблема национального своеобразия в архитектуре Кыргызстана второй половины 1930-х — первой половины 1950-х годов», в республиках СССР «национальный» стиль разрабатывался специально приславшимися для этой цели архитекторами Москвы и Ленинграда. Подобным образом «курировалась» и восточноевропейская архитектура, которой также надлежало быть «национальной по духу и социалистической по содержанию». Впрочем, советские архитекторы, направляемые из центра в республики, далеко не всегда видели

2. Вальтер Гропиус. Многоквартирный дом, построенный в рамках выставки *Интербау*, Берлин. 1957

свою цель в «оживлении» национальной памяти. Характерный пример романтических упований не на «корни», а на современные технологии — представленная в докладе Николая Малинина (Институт модернизма, Москва) «Оттепель на жару: как романтики 1960-х пытались победить климат (случай Алма-Аты)» история создания института «Казгорстройпроект» в Алма-Ате, завершеного в 1961 году. Одно из первых модернистских зданий города стало памятником как попытке игнорировать конкретные климатические условия, так и провалу этих усилий — это ли не восстание места против неумной бодрости стандартов и норм?

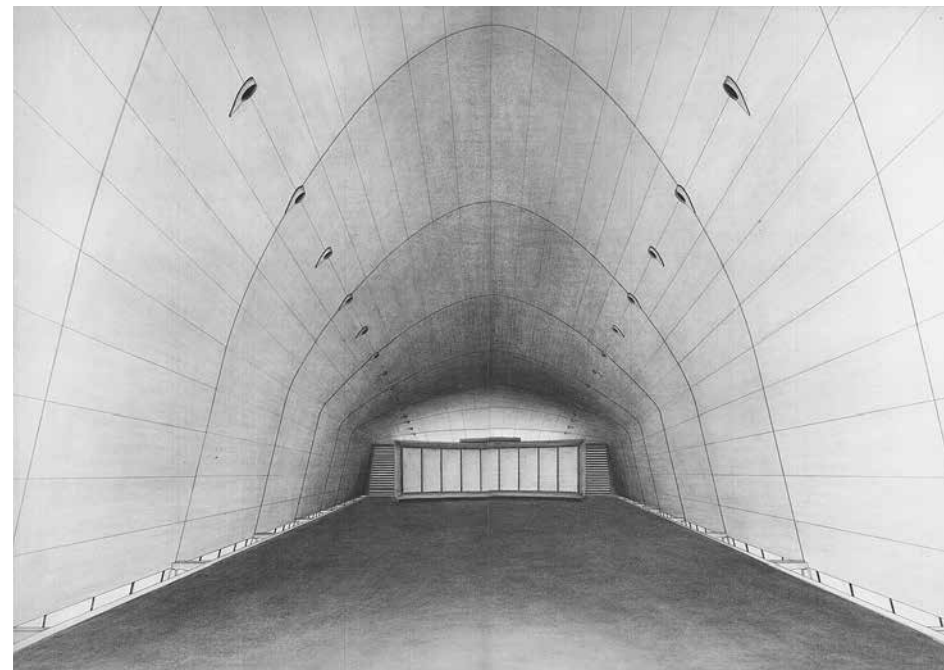
Желание противопоставить «темному» во всех отношениях прошлому новый, светлый, радикально обновленный при помощи техники мир анализировалось также в докладе Татьяны Гнедовской (ГИИ, Москва) «Модернизм как форма забвения. Немецкая

архитектура и мировые войны». Стремление к тотальному переустройству среды обитания и самих алгоритмов повседневного существования, наблюдавшееся в Германии как после Первой, так и после Второй мировой войны, являлось, по мнению докладчика, следствием травмы, этими войнами нанесенной. Невозможность позитивного усвоения недавнего трагического опыта заставляла искать способы просто забыть о нем и начать жизнь с чистого листа в модернистских «декорациях», которые не напоминают о прошлом и в которых, по словам В. Бенямина, вообще «трудно оставить следы». (Ил. 2.) Аналогичные процессы имели место и в СССР эпохи Хрущева, где жертвой борьбы с прошлым стали не только некоторые виды декора и постройки определенного стиля, но и профессия архитектора как таковая.

Напротив, сознательное сохранение «нежелательной памяти» средствами архитектуры анализировалось в докладе Марии Микаэлян (Миланский технологический университет) «Противоречивая память на постсоветском пространстве: новые музеи и политическая история в России (1991–2016)». Речь шла о различных музеях и мемориалах, создающихся на местах массовых уничтожений, концентрационных и трудовых лагерей и т. д. О влиянии груза травматического прошлого на творчество архитекторов послевоенного поколения рассказала и Карина Харебова (Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, Санкт-Петербург) в докладе «Концепты памяти в архитектуре Даниэля Либескинда».

К разговору о послевоенном периоде в истории архитектуры плавно подвел доклад Юрия Волчка (НИИТИАГ, Москва) «Архитектоническое творчество в 1940-е годы в теории и на практике», в котором анализировались труды отечественных теоретиков и практикующих архитекторов, во многом предвидевшие и подготовившие перемены, произошедшие в архитектуре после войны.

Послевоенный период, как и в целом вторая половина XX века, характеризовался огромным количеством параллелей, наблюдавшихся в отечественной и западной архитектуре, однако в чем-то два альтернативных пути уводили «социалистические» и «капиталистические» постройки все дальше друг от друга. Эта увеличивающаяся пропасть была следствием не столько различных идеологических и отсюда — стилистических установок, сколько нарастающим техническим отставанием. В частности, Алессандро де Маджистрис

3. Пиа Дуриш. *Автосалон*. 1987
Студенческий проект

и Федерико Деамброзис (Миланский политехнический университет) выступили с совместным докладом «Мегаструктурный вызов авангарда: взгляд на архитектурные тенденции послевоенных лет», рассказав о проектах, ориентированных на стремительное техническое развитие и в этом смысле типичных именно для Запада. Не меньшие отличия существовали и в сфере образования, причем речь шла не только об ориентирах, но и о самих принципах отношений преподавателей и студентов, имевших за плечами опыт «студенческих революций». Так, Елена Маркус (Мюнхенский политехнический университет) в докладе «Перезагрузка «грязного реализма»: как реальность современного города, родившаяся из послевоенного модернизма, может сопротивляться спекулятивной апроприации сегодня?» рассказала о концепции «аналоговой архитектуры», возникшей

в 1980-е годы в Высшей технической школе Цюриха и заметно повлиявшей на развитие архитектуры в Швейцарии в период отхода от модернистских установок и схем. (Ил. 3.) А Ксения Малич (Государственный Эрмитаж) посвятила свой доклад «Алвин Боярски и его работа в лондонской Архитектурной ассоциации» тому, как знаменитому педагогу удалось вырастить целую плеяду звездных архитекторов, по сию пору занимающих лидирующие позиции в мире.

Разговор о современных реалиях, как в России, так и на Западе, заставил вспомнить не только о проблемах эстетики, технологий или образования, но также о тесной связи архитектуры с политикой и этикой. Нина Фролова (Институт модернизма, Москва) выступила с докладом «Между социальной ответственностью и ролью “карандаша заказчика”: влияние вопросов этики и общественного мнения на самопрезентацию архитекторов XX — начала XXI века». В частности, она рассказала о том, как современные архитекторы выстраивают свое «амплуа» и какой пласт своей работы стремятся скрывать от посторонних глаз. Интересно, что современная (само) оценка архитектора как демиурга и реформатора по-прежнему определяет внутреннее и внешнее понимание профессии. Это искаженное представление не только противоречит изменившемуся положению профессионального сообщества и постепенному смягчению дисциплинарных границ, но также поднимает вопрос о переоценке роли архитекторов в постиндустриальную эпоху и освобождении ее от диктовавшихся индустриальной эпохой функций, прав и обязанностей.

В свою очередь Александр Острогорский (МАРШ, Москва) в докладе «Мы — профессиональное издание». Критическая история новейшей российской архитектуры в зеркале журнала «Проект Россия» проанализировал историю отношения авторов с практикующими архитекторами нашей страны на протяжении долгих лет существования журнала. В связи с этим возник вопрос о роли и месте критиков в творческом и общественном процессе, а также о том, должны ли они пытаться быть объективными и занимать нейтральную позицию по отношению к сообществу профессионалов или им позволено (например, во имя пропаганды хорошего вкуса), проявлять субъективизм, нередко искажающий фактическую картину.

Тому, как различные по функции фрагменты исторической застройки воспринимаются, адаптируются и ревитализируются на современном этапе, были посвящены доклады Федерики Росси

(Немецкий институт истории искусства Макса Планка, Флоренция) «Новая жизнь индустриального наследия Италии» и Елены Саковской (ГИИ, Москва) «Советское промышленное наследие: проблемное поле и новые стратегии ревитализации». Любопытно, что самые функционально определенные, технологически обусловленные и стилистически нейтральные типы построек — фабрики и фабричные комплексы — стали излюбленным исходным материалом для различных реконструкций и перепрофилирований, причем как на Западе, так и у нас. Их эстетический образ и элементы оформления, с одной стороны, несут в себе мощный заряд исторической памяти, а с другой — лишены той однозначности и идеологической непреложности, которая препятствовала бы их наполнению новыми функциями и смыслами. Не потому ли бывшие фабричные пространства с успехом адаптируются под самые разные культурные и социальные нужды и одинаково любимы как высококолобыми эстетами, так и люмпенизированными подростками.

Итоговая дискуссия продемонстрировала, что изначально смущавший многих широкий временной, географический и тематический охват конференции, в конечном итоге оправдал себя, поскольку позволил взглянуть на многие проблемы под непривычным углом и с большой дистанции. Исследователи разного толка, историки, теоретики, критики и практики получили возможность познакомиться с разными взглядами и подходами к анализу архитектуры и по дискутировать друг с другом. Многие частные вопросы оказались, таким образом, встроены в более общий и часто неожиданный контекст, многие явления и тенденции «зарифмовались» с другими, нередко, заметно удаленными во времени и пространстве. В любом случае, выход за пределы устоявшихся представлений и подходов, хоть и порождает на первом этапе больше вопросов, чем ответов, задает направления дальнейших научных поисков и сулит более интенсивный обмен и более высокую степень взаимопонимания между представителями разных стран, поколений и школ.